

Петров - Водкин Кузьма
(высвободившийся из заключения)

20.12.01.

Персональную выставку Кузьмы Петрова-Водкина привезли в Московский Центр искусств из питерского Русского музея. Не по-скупались - 30 отборных полотен.

Подобного рода экспозицию ждали уже давно. Было любопытно, каким после «громких» выставок «запретных» в былые времена художников конца XIX - XX веков, таких, как Малевич, Кандинский, Татлин, Ларионов, - предстанет автор гораздо более традиционный по художественному языку и, вроде бы, никогда не запрещавшийся в родном отечестве. Не абстракционист, не эмигрант, не диссидент... Не запрещали, но и не выставляли в полном объеме.

Впечатление от выставки сильное. Видишь, что настоящее искусство больше моды, социальных заказов, географических границ. Работы художника заражают энергией, они поразительно актуальны. Но требуют особого сосредоточенного внимания, от которого многих зрителей отлучили клипы и рекламные плакаты.

Петров-Водкин страстно ненавидит то, что и мы с вами ненавидим, - войну. Самое эмоционально-взвинченное и диссонирующее в цветовом отношении полотно - «На линии огня» (1916), где военная атака предстает делом глобально бессмысленным и зверским, а выдуманный, «неестественный» цвет хаки противостоит замечательно яркой, чистой, словно бы «отмытой» живописной палитре прочих работ мастера.

И любит художник то, что лю-

Соловей-разбойник

Общая газета. - 2001. - 20 дек. - с. 10

бим мы с вами, - зеленовато-синие холмистые берега Волги, ставшие для него метафорой «планеты земля», женщин в низко надвинутых платках или простоволосых, с круглыми, простыми, очень русскими лицами, напоминающими лики богородиц, безудержные «опасные» мальчишеские игры, натюрморты с обыденными, «важно стоящими предметами» и с полными цветами. Пахнет Русью, но не слащавой, не сказочно-стилизованной, а суровой, строгой и таинственной, даже немного разбойничьей, какой-то скифской.

Вот эта скифская «разбойничья» нотка на выставке прозвучала особенно интересно и неожиданно. Мы больше привыкли к суровому, сдержанному мастеру - автору «Смерти комиссара» и «Петроградской малодны» из нашей Третьяковки. Питерцы привезли много другого, заставляющего вспомнить, что сам художник гордился не родовитостью (происходил из семьи волжского грузчика), а тем, что в роду у него были разбойники. И это свободное, непокорное - «разбойничье» - начало аукнется и в его судьбе, и в самобытном творчестве.

На волне «взрывной» энергии ранняя «Вакханка» (1912), напоминающая чуть ли не бюлловских женщин, «Поцелуй» (1913), «Жаждающий воин» (1915), играющие и купающиеся мальчики (1911, 1926), «Цыганки» (1926 - 1927). Все это о стихийных порывах, об энергии добрых и злых страстей, переходящих друг в друга. На этом фо-

не знаменитое «Купание красного коня» предстает уже не только полотно о предчувствии социальных катастроф, как принято считать, - но и о бурных эмоциональных волнах, подхвативших хрупкого юношу.

Все простые, житейские мотивы у художника архетипичны, восходят к самым глубинным интуициям. А эти интуиции пришли из детства, недаром образы пытливых, играющих, задумчивых детей проходят через всю выставку.

В детстве художник тонул. Вола в его работах всегда и маящая, и гибельная стихия. В детстве поразила радость. Отсюда насыщенность и удивительная «промытость» его палитры. Да и само «сферическое» видение - стера - не выдумка изворотливое во взрослого ума, а память о потрясшем в детстве переживании Земли как планеты.

В автопортрете (1929) суровое, мужественное и очень невеселое лицо зрелого художника подсвечено синеватым, словно в памяти всплывающем образе ребенка. Эта «амбивалентность», одновременное присутствие аналитических, строгих и стихийных начал ощущима во многих работах мастера, положим, в «Играющих мальчиках» и в «Поцелуе», где движения сомкнутых рук персонажей наполнены противоположной энергией - злой и доброй, страстной и отрешенной.

Петров-Водкин из русских странников. Оттого его живопись столь многослойна, глубинна, не-

навязчиво философична. Он, как и его духовный наставник, тоже волжанин, Борисов-Мусатов, - учился живописи везде, где было только можно, - в Саратове, Москве и Петербурге, в культурных центрах Европы. Учился у великих итальянцев и у древнерусских иконописцев. Учился, чтобы отвергнуть чужое и стать самим собой, не похожим ни на кого.

Главное в живописи художника - сияющее, открытое взором человеческое лицо, которое в его время начало уже исчезать из живописи, подменяться предметом или абстрактным узором, растворяться в образах массы и толпы. Парадоксально, но самое важное у этого мужественного, твердого человека идет из детства, которому он, судя по работам, не изменял, не угрожал моде, не потрафлял воядам. Его стиль узнаваем. Ясность, простота, но также эмоциональность и раскованность, идущие от детских впечатлений. Оттого-то художник никогда не скучен и не зануден. Оттого он радует даже селедкой из голодного военного пайка («Селедка», 1918) - так гармоничен и неожиданно выстроен этот знаменитый натюрморт, привезенный из Питера.

Урок выставки Петрова-Водкина представляется мне сейчас чрезвычайно значимым. Не художник догонял время, а время догоняло его. Оттого так свежи, глубоки и разнообразны его творения на наш «теперешний» взгляд.

Вера ЧАЙКОВСКАЯ